

УДК 141.78 130.121

Борис Михайлович Лепешко¹, Александр Борисович Лепешко²¹д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²ст. преподаватель каф. гражданско-правовых дисциплин

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Boris Lepeshko¹, Alexandr Lepeshko²¹Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy of Brest State A. S. Pushkin University²Senior Lecturer of the Criminal Law Disciplines Department of Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹borys_lepieszko@tut.by; ²a.b.lepeshko@gmail.com**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ФЕНОМЕНОЛОГИИ:
ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Рассматриваются возможности применения феноменологических идей в практике работы обществоведов. Характеризуются конкретные результаты исследований в праве (А. В. Поляков), истории (К. А. Свасьян), эстетике (М. Мерло-Понти), психоаналитике (М. А. Шорохова), демонстрируются эвристические ресурсы феноменологической методологии. Обосновывается вывод о границах применения данного вида теоретического знания, исходя из сложившейся практики в некоторых общественных науках.

Methodological Resource of Phenomenology: a Practical Aspect

The possibilities of applying phenomenological ideas in the practice of social scientists are considered in the article. The heuristic resources of the phenomenological methodology is demonstrated in the article in the context of specific results of research in law (A. V. Polyakov), history (K. A. Svasyan), aesthetics (M. Merleau-Ponty), psychoanalytics (M. A. Shorokhova). The article substantiates the conclusion about the limits of application of this type of theoretical knowledge, proceeding from the established practice in some social sciences.

Один из самых часто задаваемых ныне вопросов: а в чем суть той или иной современной методологии в практическом аспекте? То есть как применить теоретические новации последнего времени в практике работы обществоведов? Скажем, феноменология: существует обширная литература, в которой подробно освещаются идеи Э. Гуссерля, описывается суть редукции, интерсубъективности, интенциональности и т. д. Намного хуже обстоят дела с практикой применения этих идей в различных областях обществознания. Прилагаемые заметки – одна из попыток показать интеллектуальные возможности феноменологии в практической сфере.

Один из самых известных (и успешных), на наш взгляд примеров применения феноменологических (в частности) идей к сфере права – это концепция санкт-петербургского ученого А. В. Полякова, известного своей коммуникативно-феноменологической теорией права [1]. В основе работ А. В. Полякова своего рода синтез комму-

никативных и феноменологических идей, который выступает как своего рода мета-теория. Феноменологический анализ коммуникации позволяет выстроить новую теорию права на основе следующих элементов: во-первых, любая коммуникация возможна только между субъектами, носителями социального смысла и социальными деятелями; во-вторых, коммуникация основывается на наличии текстов (феноменов), подлежащих интерпретации; в-третьих, речь идет не просто об усвоении некой информации, а взаимодействии между субъектами на этой основе [2, с. 9]. Феноменологический подход позволяет мыслителю отказаться от формул предшествующего теоретического развития («право – это воля государства», «право – это правовые отношения» и т. д.), «снять» противоречие между субъективным и объективным в познании с помощью феноменологического термина «интерсубъективность», представить право как сложную, многомерную психосоциальную систему. Здесь речь идет не о том, что

человек является творцом права, а о личности, постигшей социальный смысл социальной коммуникации и выступающей активным участником правового процесса.

Правда, здесь стоит оговориться, что связь между феноменологическими идеями и теорией права А. Полякова достаточно полно прослеживается в том случае, когда речь идет об общетеоретических вопросах (сущность права, его принципы и т. д.), но, когда речь заходит о некоторых практических вопросах, связь такого порядка прослеживается не всегда. Например, М. И. Батин полагал, что у теоретиков феноменолого-коммуникативной школы права «нормы права, с одной стороны, противопоставляются законодательству, а с другой – отождествляются с отношениями, которые призваны регулировать» [3, с. 111]. В данном случае мы не будем комментировать этот тезис, отметим лишь, что подобных замечаний существует достаточно много.

Как выглядит механизм применения феноменологической методологии к праву? Первое: это новая терминология, новая терминологическая – феноменологическая – определенность. В частности, адепты теории Гуссерля призывают не определять понятия (догматизм, движение мысли по кругу, устарелость многих терминов, «привязанность» конкретной системы понятийного мышления к определенной методологической схеме и т. д.), а описывать их. Требуется очищать понятие от всего наносного (исторического психологического контекста) и искать так называемый эйдос права, т. е. его чистую сущность. Что интересно, так это тот факт, что теоретические работы санкт-петербургского ученого сопровождаются классическим словарем терминов, выдержанных в аристотелевском (классическом) духе. Второе – это понимание феноменологии именно как методологии правового исследования. Допустим, перед нами стоит проблема интерпретации правового текста – важнейшая проблема методологии феноменологического порядка. А. В. Поляков пишет: «Задача интерпретатора заключается не только в уяснении и объяснении логического смысла правового текста, но и понимании его (скрытая информация), которая дается через восприятие той культурной среды, которая «породила» сам текст» [2, с. 376]. Весь вопрос в том, какая связь

существует между формой правового текста и его смыслом. Как толковать этот самый смысл? Здесь на первый план и выходят вопросы методологии. В частности, любая интерпретация, как полагает ученый, есть коммуникативный процесс, обусловленный субъективным фактором, и вариантов интерпретаций может быть достаточно много. Третье заключается в том, что самая популярная ошибка в понимании феноменологической методологии (с точки зрения ее адептов) содержится в том, что ее анализ основывается на привычных, апробированных подходах, чаще всего связанных с марксизмом или иными популярными теориями права. А. В. Поляков, как отмечалось, активно полемизирует с профессором М. И. Байтиным, в частности, о критериях правового и неправового закона. Мы опускаем суть полемики, отметим главное: причина непонимания, по мнению автора коммуникативной теории, лежит именно в том, что ученые разговаривают на разных языках. Обращаясь к М. Байтину, Поляков пишет: «Ученый не заметил, что заданные им вопросы могут иметь отношение к либертарной концепции права и закона, но не затрагивают коммуникативный подход» [2, с. 407]. Другими словами, критика и ответ критикам имеет место на разных методологических «полях». Можно заметить, что три отмеченные особенности феноменологической методологии представляют собой единое целое и один пункт сложно представить себе без второго и третьего пункта. К сказанному стоит добавить, что феноменология призывает не абсолютизировать любую методологическую сущность, любую формулу, исходить из того, что результат научного поиска может быть разнообразным, возможно, парадоксальным.

Теперь обратимся к работе «Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика» [4]. Здесь ученый апеллирует к новому пониманию исторического материала. Так, например, К. Свасьян обращается к известному историческому факту – переходу Цезаря через Рубикон. Нередуцированное (не феноменологическое) сознание ограничивается самим этим фактом. А уже из этого факта строится система интерпретаций (зачем перешел, как перешел и т. д.). «В реальности картина выстраивается в следующую схему: Цезарь до перехода, Цезарь

во время перехода, Цезарь после перехода». Важно и то, что в «школьной» истории речь идет о факте сознания только Цезаря. Историк-феноменолог «разрывает замкнутую, эмпирически эгоцентричную монаду собственной отчужденности в акте живого и личного приобщения к смыслу человеческой истории» [4, с. 126]. В результате на первый план выходит не та или иная интерпретация, «взору предстает пережитая самоданность истории, ставшая фактом личной биографии» [4, с. 126].

Правда, здесь неясно, чем эта феноменологическая концепция отличается от теории переживания (В. Дильтей), где граница между психическими процессами и теми, которые феноменолог называет мыслительными. Или здесь своего рода «смыкание», тождество? Все решает понятие «смысл» и личное переживание? Неясно, в чем тогда новации феноменологии.

К. Свасьян пытается объяснить: исторические события «уже имели место, но исключая «уже», мы лишь временно налагаем запрет на их фактичность, чтобы дать возможность рефлексии предварить самый миг осуществления, переживая их пророчески вспять» [4, с. 127]. Правда, и здесь возникает вопрос: как же быть с будущим, не возникает ли здесь своеобразный «парадокс редукции», где переживание неуместно в связи с отсутствием фактического материала? В ответ – словесные ухищрения такого рода: «Само будущее, даже в виде простой рефлексии не может мыслиться как некая пустота». «Будущее неразрывно связано с прошлым, и вышеозначенный парадокс снимается уже на уровне этой тривиальности» [4, с. 127].

В этом смысле с точки зрения феноменологов, переживание будущего ничем не отличается от переживания прошлого. Ученый в этом аспекте достаточно интересно рассуждает, прибегая к парадоксу. Для «нормального» сознания «будущее – это то, чего нет, соответственно, и прошлое – это то, чего уже нет, а настоящее – это то, чего еще нет, пока мы его не фиксируем, и то, чего уже нет, когда мы его фиксируем» [4, с. 129]. То есть на выходе получаем «очаровательный парадокс», в котором присутствует «полнота времен». Решить этот парадокс феноменологи предлагают с помощью категории «переживание». Прошлое

современно с помощью категории воспоминание, будущее современно с помощью категории ожидание, а «реальным оказывается текучесть извечно настоящего». Отсюда будущее основано на прошлом.

Насколько этот методологический инструментарий может быть востребован историком? Получается, он сам формулирует абрис будущего – полнотой своих переживаний. Он не пассивно ожидает эвристических результатов, завернувшись в тогу беспристрастия (объективности), он включен в процесс творения истории, в процесс сотрудничества. На передний план выходит категория смысла, и исследователь имеет к этому самое прямое отношение. Это вызов привычному объективизму, и в этом, согласимся, есть рациональное зерно. Нет здесь места, полагают феноменологи, и привычному субъективизму, поскольку выбор в результате переживания коренится в прошлом. Прошлое задает определенные рамки, за которыми человек не может выйти, сколько бы необузданной ни была его фантазия.

Но очевидны и минусы такого подхода. Во-первых, сложно понять, каким образом исследователь может обнаружить эйдос, «чистую» суть того или иного факта, того или иного явления. И каким образом он идентифицирует эту суть, с помощью каких критериев. Или переживание находится вне критериев понимания? Во-вторых, феноменологи достаточно часто прибегают к категории «пророк», «пророчество», допустимо понимание прошлого как «пророчества вспять». Достаточно сложно понять, какие средства могут быть использованы в ходе практического применения этой категории. Тот, кто избрал подобный методологический инструментарий, – априори пророк? Конечно, здесь присутствует и традиционный набор сложных словесных конструкций, где парадокс фактически не является таковым. Например, фраза «Мера философского одиночества бесконечна». И далее, как пишет Свасьян, «можно ли говорить об одиночестве там, где атмосфера насыщена полнотою смысла, где окружающая среда соткана из бесконечных оттенков смысла, где сознание, потерявшее неосмысленный мир со всеми его одиночествами, заново обрело мир, вещи, людей во всей изумительности их первородства и вконец распутало также древнюю апорию «одинок

чества», осознав, что подлинно одинокий никогда не говорит об одиночестве, потому что подлинно одинокий никогда не одинок» [4, с. 131]. Здесь все вместе: и парадокс, и самоопровержение, и новый гуманизм (точнее, гуманизм на новой основе), и преклонение перед одиночеством путем его ниспровержения.

Но что же с Цезарем и его переходом через Рубикон? Показательно то, что феноменолог обходит стороной любые пророчества и собственные переживания по поводу этого известного исторического факта. Да, Рубикон был преодолен, но нам важно вспомнить это не для приращения новых исторических фактов или той или иной интерпретации произошедшего, а с целью показать связь времен, единую временную цепь. Благородная задача, но как быть с наукой в традиционном понимании этого слова? Неясно, поэтому получается, что сам выбор методологии означает выбор коренных смысловых координат.

Заметную роль играют исследования феноменологического характера в работах, посвященных психологии, искусствоведению. Один из примеров – обращение крупного мыслителя М. Мерло-Понти к пониманию творчества французского художника-импрессиониста Поля Сезанна. Исследуя его творческую манеру, содержание полотен, Мерло-Понти пишет: «Его живопись – это своего рода парадокс; Сезанн стремится к реальности, но в то же время не отказывается от ощущений, использует в качестве поводыря лишь природу в преходящем впечатлении, не очерчивает контуры, не ограничивает цвет предварительным рисунком и не строит ни перспективу, ни композицию» [5, с. 105]. Отсюда утверждения Мерло-Понти, что Сезанн исключает привычные дихотомии (разум и чувство и т. д.), «он хочет писать материю в процессе обретения формы, возникновение порядка в ходе спонтанного построения». И ведь живопись Сезанна не отрицает ни науку, ни традицию. Сезанн не отрицает реальность, но суть в понимании того непреложного факта, что все случайности в жизни Сезанна «представляют собой часть текста, который природа и история представили ему для расшифровки» [5, с. 113]. Поэтому выводы Мерло-Понти находятся в русле феноменологических исканий: нет ничего устойчиво-

го, ни на что нельзя опереться (ни на биографию того или иного человека, ни на его произведения), поэтому люди, окружающие Сезанна, «не понимали, как преобразовывались в нем события и опыт. Этим людям было не постичь его смысла и того света, который временами его окутывал» [5, с. 118]. Впрочем, полагает ученый, и сам Сезанн видел лишь несостоятельность своих опытов. Говоря привычным языком, ясности при анализе творчества Сезанна нет и быть не может. Тогда в чем смысл? Только в одном: непрекращающемся поиске этого смысла. Показательно название статьи Мерло-Понти: «Сомнения Сезанна». Не открытия, не новые цветовые гаммы, не содержательные откровения, а именно сомнения. Сомнения как венец поиска? А почему и нет? Вывод напрашивается сам: здесь опять опора на парадокс (одна из любимых логических форм феноменологов), на текучесть и изменчивость сущего, на отсутствие истины в классическом понимании этого слова – понять то или иное произведение можно только субъективно, но сама субъективность «снимается» с помощью феноменологической идеи интерсубъективности.

Похожие идеи высказывает и российская исследовательница С. А. Шорохова, обращаясь к такой благодатной для феноменологов теме, как психоаналитика. В частности, она исследует идеи Л. Бинсвангера, по ее характеристике, «психиатра в третьем поколении»: «Целью Бинсвангера было пересмотреть психологическую практику, опираясь на новую феноменологическую и антропологическую теорию» [6, с. 257]. Например, первый усвоенный урок феноменологии – это гуссерлевское требование возврата к самому себе. Что это означает на практике? Изучать следует не причины болезни, но то, как они даются сами по себе. Абстрактно, поэтому С. Шолохова уточняет: болезнь надо изучать так, как она воспринимается самим больным и – одновременно – лечащими врачом. Для людей не существует мира, единого в своих многообразных проявлениях. У каждого свой мир – мир феноменов. Эти феномены и надо в первую очередь изучать. Больной живет в своем особом мире феноменов, и понять этот мир можно, осмысливая его как особую целостность, совокупность фактов и вещей. Отсюда важность вмешательства врача в особый

мир пациента. На каком основании? На том, что они оба одновременно присутствуют в этом мире. Вокруг некий общий мир, специфический для каждого, но в каких-то чертах общий. «Терапевт понимает ситуацию больного постольку, поскольку у него вместе с больным есть нечто существенно общее, а именно бытие-в-мире» [6, с. 259].

Конечно, здесь возникает непростой вопрос: о каком понимании со стороны врача может идти речь, если даже элементарное общение с больным человеком является невозможным? Решить эту проблему можно, прибегая к важнейшим категориям феноменологии. Например, понимать бред «как потерю intersубъективности». Это сложный термин, который, по мнению специалистов, «несмотря на утонченнейшую стилистику феноменологического истолкования в трудах Гуссерля, так и не нашел аподиктически достоверного прояснения» [18, с. 74]. Заметим лишь, что речь идет о преодолении солипсизма, поскольку неясно, каким образом врач может преодолеть свое абсолютное «Я». Но это в целом не решенная феноменологическая проблема. Остается апелляция к возможностям конкретного субъекта. В духе позднейших коммуникативных откровений С. Шолохова делает вывод: «Роль терапевта состоит не в пробуждении сознания у пациента, но прежде всего в установлении контакта с ним, настоящего общения, без которого больному невозможно вырваться из своего патологического состояния» [6, с. 268]. Правда, в этом случае достаточно сложно сказать, где начинается феноменология и заканчивается классический intersубъективный идеализм.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Даже краткий и вынужденно фрагментарный анализ некоторых практических результатов научных усилий авторов, прибегающих к феноменологической методологии, демонстрирует определенный эвристический ресурс этой теории. Многие обществоведы привыкли к работе в условиях относительной ясности и прозрачности марксистских клише. Есть, к примеру, объективное понимание исторического процесса, есть и intersубъективное видение общественного развития. Могут быть и некие эк-

лектические варианты. Здесь противопоставление между объективным и intersубъективным «снимается» с помощью целого ряда новых категорий (редукция, intersубъективность и др.). Что это дает? Понимание того, что абсолютизация как сущего, так и категорий, которые выражают эту сущность, в принципе невозможна. Конечно, четкого механизма, который бы «прописал» последовательные шаги по решению той или иной эвристической задачи, не существует. Да это и невозможно, поскольку на первом месте даже не варианты интерпретации, а описание процесса (того или иного). Поэтому далеко не случайно феноменологи само познание называют «рассудочной химерой» [4, с. 47] прежде всего в том смысле, что оно лишено «конкретного предметного коррелята». На первый план выдвигается «вскрытие предпосылок, бессознательно фундирующих всякий строй познания». Одним из предтеч такого подхода был Ф. Бэкон с его известными «идолами». Познание всегда опирается на опыт, понятийную определенность, мыслительные привычки той или иной конкретной эпохи. Но это вовсе не универсалии, которые могут быть применены всегда и везде. Это отражение эпохи и сложившегося стереотипа знания, иногда высококачественного, иногда менее качественного.

В этом контексте вряд ли уместны и имеющие место упреки в терминологической сложности феноменологии. Да, можно согласиться, что термины зачастую тяжелы для восприятия, но, если мы примем тот факт, что они лишены привычной определенности и верифицируются достаточно свободно, разговор примет иной характер. Правда, иной разговор, примут ли такую возможность те, кто ежедневно трудится в библиотеках, архивах, за письменным столом. Но это дело личного выбора, некоторые примеры этого выбора приведены выше. Рабочее поле феноменологии – беспредпосылочное знание, очищенное от психологических, исторических, иных условий, данные в своей самоочевидности и самоданности. Спорно? Возможно. Но вне сомнений, это важный методологический ресурс современного знания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поляков, А. В. Общая теория права : учеб. пособие / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб. : Изд-во юрид. фак. 2004. – 475 с.
2. Поляков, А. В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды / А. В. Поляков. – СПб. : Алеф-Пресс, 2014. – 575 с.
3. Байтин, М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – М. : Право и государство, 2005. – 544 с.
4. Свасьян, К. А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика / К. А. Свасьян. – М. : Академ. проект, 2010. – 206 с.
5. Мерло-Понти, М. Сомнения Сезанна. Постфеноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / М. Мерло-Понти. – М. : Академ. проект, 2017. – С. 102–122.
6. Шолохова, С. А. Сверхстрастность и терапевтический подход в дизайн-анализе / С. А. Шолохова // Постфеноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / М. Мерло-Понти. – М. : Академ. проект, 2017. – С. 256–268.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 21.10.2020